

INSPIRIA

18+

Эми
Шаумберг

УБИЙСТВА
ПО КНИГЕ

INSPIRIA

Эми Шаумберг

Убийства по книге

Серия «Ток. Детектив в кубе»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73973132

Эми Шаумберг «Убийства по книге»: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-247080-6

Аннотация

Две убитых студентки. Зашифрованные отсылки к Шекспиру. И обещание новых, ещё более мрачных преступлений...

На окраине университетского городка находят тело задушенной студентки. Убийца инсценировал всё так, чтобы девушка выглядела как Офелия с известной картины по мотивам «Гамлета», и этим зловещим посланием бросает вызов полиции. Детектив Иэн Картер не знает, как подступиться к разгадке, пока случайная встреча с Эммой Райли, обаятельно неуклюжим профессором литературы, не приводит к неожиданному открытию: она замечает и расшифровывает улику, оставленную убийцей. Эмма убеждена – именно её любовь к книгам может помочь раскрыть замысел преступника.

Вскоре происходит второе убийство: на этот раз жертва выглядит как героиня «Леди из Шалот». Но всё становится по-настоящему страшно, когда третьей жертвой оказывается студентка из группы Эммы. Теперь профессор осознаёт: её

привычная замкнутая жизнь – лишь иллюзия безопасности. Ей предстоит найти в себе силы взглянуть в лицо собственным страхам, чтобы остановить маньяка, превращающего любимые литературные сюжеты в пугающие сцены смерти. ...

«Изящный и умно выстроенный дебют». – THE SEATTLE TIMES

«Умный и по-настоящему захватывающий роман, который понравится всем поклонникам детективов и любителям книг. Если вы ищете атмосферный триллер в духе дарк-академии или загадочную библиомистирию, – вы нашли идеальное сочетание. Яркий дебют!» – ДЭВИД БЕЛЛ, автор бестселлеров The New York Times

«Книжные ботаны, ликуйте! Эми Шаумберг совершила невозможное – создала динамичный, современный детектив с атмосферой триллера и классической загадки. Я не мог оторваться от этого литературного пиршества». – КЭМПЕР ДОНОВАН, автор бестселлеров USA Today

«В «Убийствах по книге» Эми Шаумберг искусно переплетает искусство и литературу с пугающей интригой... захватывающее чтение». – CRIME FICTION REVIEW

«Этот дебют напомнил мне, за что я люблю атмосферу дарк-академии. Умный, мрачный и напряжённый роман, который держит в напряжении до последней страницы». – ЛОРЕН НОССЕТТ, автор романа «Профессор»

«Удачный дебют, вдохновлённый искусством и литературой. Поклонники дарк-академии оценят неожиданные повороты сюжета». – LIBRARY JOURNAL

«Читатели оценят академическую атмосферу и литературные аллюзии в дебютном романе Шаумберг». – BOOKLIST

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эми Шаумберг Убийства по книге

Amie Schaumberg

MURDER BY THE BOOK

Copyright © 2025 by Amie Schaumberg

© Бурдова О., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается моей сестре Лэнди – моему
первому и самому преданному из читателей.*

Глава 1

Кусок желтой ленты, ограждающей место преступления, оторвался и трепетал на ветру, пока Иэн Картер медленно спускался по низкому холму к старому амбару, ждавшему среди высокой травы. Зброшенное фермерское хозяйство наводняли сотрудники полиции, которые сновали кругом подобно балетной труппе, где каждый из участников точно знает свои движения в хорошо отрепетированном танце. Ливший всю ночь дождь понемногу стихал, по-прежнему напоминая о себе низко висевшими облаками, будто замаранными угольной сажей, и лужами, в подернутой рябью поверхности которых отражался пейзаж, выглядевший холодным и серым в тусклом утреннем свете. На выдавшем виды фасаде амбара едва наблюдались остатки красной краски. Построенное из досок здание казалось пережитком прошлого. Иэн ощутил себя нежеланным гостем на старой ферме.

Его напарник Майк Келлог стоял в самом центре места преступления и всматривался в промозглое утро, наблюдая за медленным спуском Иэна с холма. Хотя разница в возрасте между ними была всего десять лет, из-за стресса и тяжелой работы сорокапятилетний коллега выглядел гораздо старше. Прилизанные каштановые волосы, обрамлявшие круглое, сплошь усеянное веснушками лицо, уже начинали редеть.

– Утро доброе, приятель. – Глубокий баритон Майка прорезался сквозь шум на месте преступления.

– Что тут у нас? – спросил Иэн.

– Что, сразу с места в карьер, Картер? – Заметив суровый взгляд напарника, Келлог вздохнул. – Девушка чуть за двадцать, европеоидной расы. Установить личность пока не удалось. Тело обнаружила группа старшеклассников, которые явились в эту глушь, чтобы выпить пива и покурить без помех. Мы отправили нескольких констеблей прочесать местность, но вряд ли повезет хоть на что-то наткнуться. – Он обвел рукой окружающее их пустое поле.

– Причины смерти? – Иэн вытащил пару латексных перчаток из кармана куртки.

– Пока ждем заключения патологоанатома, но...

– Но что?

– Лучше посмотри сам, – загадочно отозвался Майк и зашагал прочь. – Словами такое не описать.

– Настолько плохо? – уточнил Иэн, трусцой догоняя напарника.

– Не то чтобы плохо, скорее... – Келлог даже притормозил, подыскивая верную фразу. – Тот, кто совершил нечто подобное – настоящий псих. – Он покачал головой и продолжил путь к огороженному периметру места преступления.

Следовавший по пятам Иэн на мгновение застыл на пороге амбара, привыкая к тусклому освещению внутри, и медленно обвел взглядом огромное пространство: ветхие дос-

ки, скрепленные ржавыми гвоздями, давно сгнившее сено, прислоненная к одной из стен разохшаяся лестница, разбросанные обрывки канатов и кожаные лоскуты, засохшие кучи навоза и несколько разрозненных и покрытых пылью инструментов, которыми никто не пользовался много месяцев. Вокруг стоял запах плесени со сладковатыми нотками разложения. Наводнившие амбар криминалисты скопились в дальнем конце помещения, лишь несколько из них медленно бродили вдоль стен параллельно друг другу, периодически останавливаясь, чтобы отметить или записать нечто показавшееся важным. Работа сопровождалась легким гулом голосов, который служил фоном мыслям Иэна. Он замедлил шаг, пытаясь разобраться в увиденном. Майк осторожно прокладывал путь к задней части амбара, и напарнику оставалось лишь последовать примеру.

Эта секция строения выглядела иначе: безупречно чистой. Различный хлам был отодвинут в сторону створкой, освободив квадратное пространство. На самой двери красовался яркий рисунок с идиллическим пейзажем, который резко контрастировал с мрачной окружающей обстановкой. Изображение дерева с крупными листьями тянулось от пола до потолка, а текстура фона придавала пугающую реалистичность. Вокруг корней бежал пенистый ручей, исчезающий вдалеке. Берега оживляла насыщенная россыпь цветов: смесь пурпурных, желтых, белых и зеленых бутонов. Одна из длинных ветвей нарисованного дерева склонялась прак-

тически до самой воды, и оттуда свисало нечто похожее на канат, сплетенный из тех же цветов, что украшали землю. Он тянулся от частично обвитого ствола и резко обрывался сантиметров за тридцать от поверхности ручья.

Перед дверью с изображением стоял старый водосточный желоб. Его жестяные внутренности выглядели очищенными, сквозь дыры в проржавевших стенках просвечивал тусклый металл. Через край свешивались золотистые волосы. Также Иэн мог видеть чуть выступавшие над выщербленной жестью колени жертвы синюшного оттенка.

Он придвинулся ближе, чтобы рассмотреть распростертое внутри тело девушки. Вода в желобе частично прикрывала ее живот и плечи, лицо же оставалось на поверхности, словно высунутое для последнего вдоха. Привлекательные черты застыли восковой маской и померкли под ярким светом, заливавшим место преступления. Глаза под полуопущенными веками слепо глядели в пустоту с круглого, еще совсем детского личика, несмотря на вполне взрослые изгибы тела, которые обрисовывались под мокрой одеждой. Губы погибшей были приоткрыты, словно она вздыхала.

Иэн привык ждать худшего в своих расследованиях и готовился – боялся – обнаружить девушку обнаженной, но вместо этого увидел ее облаченной в длинный серебристый наряд с вышивкой бисером или какой-то металлической нитью, поблескивавшей из-под воды. Из-за поднятых коленей ткань собралась на животе и вокруг бледных бедер. Худые

руки были согнуты в локтях так, что ладони с пальцами находились рядом с плечами над поверхностью воды. Волосы нимбом плавали вокруг, скользя над ключицами и цепляясь за выступающие части тела. Шею обвивал клубок растений. Иэн наклонился, чтобы лучше рассмотреть их: сплетение пурпурных, желтых и белых цветов выделялось на фоне белой кожи.

Несколько мгновений он молча разглядывал труп, затем вытащил перчатки и, сев на корточки, начал изучать пол рядом с желобом. На разных расстояниях от его основания стояли несколько оплавленных свечей с тонкими потеками воска по бокам. Убийца не просто зажег их и ушел, а какое-то время наблюдал за сценой, прежде чем задуть их. Перед ними лежала книга в мягком переплете, открытая на потемневших страницах, некоторые из которых были вырваны. Сбоку валялась перевернутая склянка со старомодными чернилами. Пролитая алая жидкость оставила темные пятна на вытертых досках пола.

Иэн оглянулся через плечо и окликнул ближайшего криминалиста:

– Это уже сфотографировали?

– Ага. Сделали снимок общим планом и вблизи. Все задокументировали. Сами посмотрите.

Иэн опустился на корточки, наклоняясь ближе к пятнам. Вязкость и цвет намекали, что скопившаяся на досках субстанция была кровью. Она покрывала и страницы, затруд-

няя возможность разобрать слова. Пользуясь вытасченной из кармана куртки ручкой, детектив осторожно закрыл книгу, чтобы увидеть обложку, однако толстая бумага пропиталась влагой и стала нечитаемой. Единственным более-менее понятным опознавательным знаком служил рисунок, напоминавший череп. За спиной послышались чьи-то шаги.

– Что я тебе говорил, – пророкотал голос Майка. – Полное сумасшествие.

Иэн оглянулся и неопределенно пожал плечами, а затем вернулся к изучению тела жертвы. Гротескная сцена напомнила отрывок из романа Рэймонда Чандлера ¹, где повествователь видит витраж с изображением рыцаря, освобождающего связанную даму, – довольно неэффективно, как отмечает рассказчик. Он сетует, что не может сам помочь ей, зная, что этому не бывать.

На мгновение Иэну почудилось другое лицо вместо смотревшей в пустоту жертвы. Он потянулся и отвел сухую прядь волос с ее щеки.

– Заметил что-то? – спросил Майк, неправильно интерпретировав нежный жест.

– Я... Э-э... – Иэн наклонился к телу в попытке замаскировать свою секундную слабость интересом к цветочной гирлянде, озвучив мысли вслух: – Венок выглядит сплетенным

¹ *Рэймонд Чандлер* – американский писатель, классик детективного жанра, автор культовых романов о сыщике Филипе Марлоу. – *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

вручную, а не купленным в магазине. Причем намеренно выбраны оттенки, соответствующие картине. – Он аккуратно отвел свитые растения от шеи девушки, открывая взгляду лиловатые отметины на коже. – Следы удушения. Похоже, именно так ее убили.

– Отличное наблюдение, детектив, – донесся из-за спины гортанный голос. – Может, и время смерти сообщите?

– Оставлю это вам, Айви, – ответил Иэн, не поднимая головы.

Тень упала на тело девушки, и он обернулся к судмедэксперту, которая подошла сзади. Затем встал, сверху вниз посмотрев на невысокую, чуть выше полутора метров, доктора Уоллард. Та со щелчком натянула латексные перчатки, применив больше усилий, чем требовалось. В свои сорок с небольшим она была удивительно стройной. Однако ее манера одеваться и вести себя затмевали потенциальную красоту лица, обрамленного коротко стриженными темными волосами. Прямолинейность, вспыльчивость и ревностное отношение к работе могли оттолкнуть любого.

– Еще не закончили?

– Немного осталось.

Иэн знал, что получит множество фотографий этого места с разных ракурсов при необходимости освежить впечатления, однако снова склонился, чтобы еще раз пристально изучить лицо мертвой девушки, и заметил нечто странное в изгибе ее губ.

– Кажется, у нее во рту что-то есть, – произнес он, протягивая руку.

Айви тотчас шлепнула по ней, будто обращалась с непослушным ребенком, и коротко бросила:

– Нельзя. – Затем протиснулась мимо детектива ближе к желобу, взяла щипцы, услужливо поданные ассистентом, и осторожно вытащила посторонний предмет из-под языка жертвы. – Бумага.

Майк махнул одному из криминалистов, подзывая его.

– Нужен пакет для улик. – Потом обернулся к напарнику и уточнил: – Что думаешь?

– Из книги кто-то выдернул страницы, – заметил тот.

– Хм, – покачал головой Келлог. – Эй, пакет и ярлык, парни. А после не мешайте доктору работать.

Эксперты-криминалисты собрали все вещественные доказательства, которые можно было перемещать, и унесли их. Айви методично обследовала мертвую девушку, прежде чем позвать ждавших в стороне сотрудников. Ассистенты в перчатках подняли тело и погрузили его на каталку. Оно сохраняло то же застывшее положение во время транспортировки.

Иэн наблюдал, как на полу скапливается лужица от струй воды, стекавших со складок платья покойной, предпочитая не смотреть на выверенные движения Айви. Он привык к виду смерти на местах преступлений и редко испытывал брезгливость, но почему-то всегда ощущал дискомфорт от рабо-

ты доктора Уоллард.

– Можете что-нибудь нам сообщить? – нетерпеливо поинтересовался Майк.

Она смерила его долгим взглядом, после чего пожала плечами.

– Вода затрудняет определение времени смерти по температуре тела, но я бы сказала, что это произошло от восьми до десяти часов назад, примерно вчера в обед. Нужно еще проверить содержимое желудка – вдруг удастся что-то опознать. Окочение началось, но еще не завершилось. Хотя трупные пятна стабилизировались: пигментация на ногах говорит о том, что вначале ее убили и оставили на час или два, а затем в нужной позе поместили в желоб, до того как тело окоченокло. Кто бы ни сделал это, он намеренно придал девушке то положение, в котором ее обнаружили.

Майк кивнул.

– Если просто бросить труп в канаву, он ляжет не так.

Айви бросила на него недовольный взгляд и поджала губы.

– Верно, не так.

– Могла вода быть попыткой скрыть точное время смерти? – уточнил Иэн.

– Не исключено. Хотя существуют и более эффективные способы. – Судмедэксперт осмотрела место преступления. – Хотите услышать мое мнение? Совершивший нечто подобное вряд ли планировал прятать свои действия. Наоборот, он

стремился выставить их на всеобщее обозрение. Вода означала что-то важное.

– И что же? – спросил Майк.

– Выяснить это – ваша работа, детектив, – сухо ответила Айви, жестом сигнализируя своим сотрудникам собираться. Потом посмотрела на Иэна. – Я сообщу больше после проведения вскрытия. Буду держать вас в курсе.

– Спасибо.

Он проследил, как помощники-медики медленно вывозят из амбара тело, умело объезжая разбросанный на полу мусор. Затем снова повернулся к рисунку на двери и теперь уже пустому желобу.

– Она права, знаешь ли, – прокомментировал Майк, приближаясь к напарнику. – Этот урод не пытается скрыть преступление.

– Согласен, – откликнулся Иэн, задумчиво изучая изображение. – Он хочет, чтобы все знали о его поступке.

Глава 2

Эхо звонка еще слышалось на лестнице, по которой бегом поднималась Эмма Райли. Не обращая внимания на ощутимые толчки по бедру от набитого книгами рюкзака, она лишь прибавила ходу. Опоздать второй раз за семестр! Неужели ей действительно грозит стать одним из тех рассеянных профессоров, над которыми все смеются? Несмотря на сложную систему календарных заметок, записок на клейких листочках и напоминаний на телефоне, мозг Эммы угодил в зыбучие пески интересных идей, из которых ей не удалось вовремя освободиться.

Она распахнула дверь, ворвалась в небольшое чердачное помещение, помахала всем и пропыхтела:

– Прошу прощения.

– Снова затянуло в пьесы Шекспира? – добродушно спросила сообразительная симпатичная брюнетка по имени Оливия, почти не демонстрировавшая безжалостности, свойственной популярным девушкам.

В прошлом семестре она впечатлила Эмму едким разбором характера главного персонажа «Мельницы на Флоссе»². За последние два года в колледже Карлайл студентка окончила несколько курсов профессора Райли и явно считала ее

² «Мельница на Флоссе» – роман Джордж Элиот о судьбе и взрослении брата и сестры в английской провинции XIX века.

рассеянность милой.

– Эдгаром По, – улыбнулась Эмма в ответ, доставая из рюкзака учебник и взмахивая им. – По крайней мере, я держусь в рамках программы.

Она прошла мимо рядов парт к своему столу в передней части помещения, лишь на секунду сделав остановку, чтобы выглянуть из маленького круглого окошка, через которое на пол лились лучи света. Внизу простирались зеленые лужайки, дразня видом на летний пейзаж. Эмма вздохнула и отвернулась. Она воспользовалась предложением выложить вещи из рюкзака, чтобы спрятаться от терпеливо ждавших студентов и перевести дыхание. Затем натянула на лицо выражение доброжелательной заинтересованности, подняла голову и открыла книгу.

– «Правда!» – воскликнула Эмма, заставив вздрогнуть нескольких студентов. Те начали листать свои книги, вызвав у нее легкий смешок. – Страница тридцать три для тех, кто желает присоединиться. – Она театрально понизила голос до тихого шепота. – «Правда! Я нервный – очень даже нервный, просто до ужаса, таким уж уродился; но как можно называть меня сумасшедшим?»³

Двадцать три пары глаз опустились, следя за словами в тексте. Эмма наблюдала за сидевшими перед ней студентами без необходимости смотреть в книгу, которую читала много

³ Цитата из рассказа Эдгара Аллана По «Сердце-обличитель» в переводе Хинкиса В. А. – Прим. переводчика.

раз. Помещение, строго говоря, вряд ли можно было назвать классом. Однако большое количество поступивших в этом году учеников побудило администрацию колледжа проявить креативность при распределении учебных пространств. Лекции профессора Райли перенесли из здания гуманитарных наук в комнатку над главным приемным залом, которую с шестидесятых годов использовали в основном для складирования вещей. Эмма поддакивала остальным сотрудникам факультета, когда те жаловались на устроенный начальством колледжа ремонт административного здания, пока гуманитарии сражались за классы с работающими часами, хотя сама втайне обожала преподавать здесь. Старые деревянные полы и остроконечная крыша помещения позволяли ей чувствовать себя скорее гувернанткой из готического романа, чем профессором английской литературы средней руки учебного заведения в средней руки городке окрестностей Орегона.

Эмма закончила чтение отрывка и молча выждала, пока студенты осмыслят слова, повисшие в воздухе. Она посмотрела на парня, который рисовал в тетради нечто похожее на человеческую мышечную систему. Он присоединился к занятиям лишь в этом семестре, но уже показал себя уверенным участником дебатов.

– Как думаете, почему По начал рассказ с подобного заявления своего повествователя? – Эмма судорожно попыталась вспомнить имя новичка. – Э, Итан?

Студент вскинул черноволосую голову, удивленный лич-

ным обращением.

Профессор ободряюще улыбнулась и вопросительно приподняла брови.

– Потому что чувак – псих?

– Он мог притворяться. Его слова звучат не очень убедительно, – возразила Оливия.

– И зачем ему это? – нахмурился темноволосый студент. «Итан!» – напомнила себе Эмма.

– Потому что он не хочет говорить: «Эй, я прикончил человека просто так». Поэтому и пытается заставить нас считать его безумным, но утверждает, что заявления о правдивости – точное указание на ложь. «Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему»⁴, – парировала Оливия, щегольнув цитатой Шекспира, и вызывающе посмотрела на Итана.

– Он убил чувака из-за того, что посчитал его глаз странным. Это полнейшее безумие. – Итан улыбнулся почти кокетливо.

Оливия насмешливо выгнула бровь.

– Ну, я бы не стала использовать слово «безумие», однако душевная болезнь – вполне логичная теория для убийцы, Итан, – улыбнулась Эмма. – Давайте посмотрим, есть ли аргументы в ее пользу в тексте. Помните...

– Что нет правильных или неправильных ответов, – с ух-

⁴ Цитата из пьесы «Гамлет» в переводе М. Лозинского, в оригинале «The lady doth protest too much, methinks». – Прим. переводчика.

мылкой закончил мысль рыжеволосый студент с задних рядов, который тоже ранее ходил на лекции профессора Райли.

– Балл Эйдену. Если вы можете подкрепить свою позицию примерами из произведения, она засчитывается. Итак, посмотрим, что говорится в тексте. – Эмма подсказала, где искать строку, к которой апеллировал Итан, после чего постепенно направила к другим ключевым фразам истории, подталкивая студентов в нужную сторону, пока цитаты не иссякли.

Быстрый взгляд на часы помог определить, что до конца занятия осталось пятнадцать минут.

– Итак, что вы думаете теперь? Можем ли мы, читатели, верить рассказанному?

– Сомневаюсь, – послышался тихий голос с третьего ряда. «Блейк», – припомнила Эмма, но все же не решилась назвать студента по имени вслух. Он редко высказывался, предпочитая внимательно наблюдать за дискуссией и записывать все. А еще всегда выбирал место позади Итана, хотя приходили и уходили они на лекции вместе.

– Оливия права, – продолжил Блейк, бросая взгляд на приятеля. Тот вскинул бровь, но слегка кивнул. – Повествователь пытается убедить нас, что имел вескую причину для своего поступка, что не являлся лишь бездушным злодеем. Я имею в виду, существует немало негодяев, которые просто... убивают. Потому что хотят. Потому что могут.

– Точно, – добавила Оливия. – Повествователь обращает-

ся непосредственно к нам, словно к присяжным, пытаюсь заставить нас поверить в его безу... то есть душевное расстройство, которое снимает часть вины. Но в реальности причины не существует. Он хотел убить, поэтому так и сделал.

Итан ухмыльнулся, но, прежде чем успел заговорить, к дискуссии присоединился другой голос:

– Или же старик сам напросился.

Все студенты повернулись к дверям. К косяку небрежно прислонился худощавый мужчина с растрепанной шевелюрой песочного оттенка.

Эмма покачала головой с деланным неодобрением, но не сумела сдержать невольной улыбки.

– Пожалуйста, поприветствуйте почетного гостя, нашего уважаемого декана гуманитарного факультета. Провокационное заявление, профессор Тэмблин. Не сочтете за труд его пояснить?

– А что, если все написанное По – стопроцентная истина? – собеседник окинул взглядом аудиторию, высказывая мнение с едва заметной ноткой театральности. – Что, если старик на самом деле являлся воплощенным злом, а сердце действительно билось под досками пола? Может, синие занавески и правда были просто синими занавесками.

– Что за занавески? – шепотом спросила у Оливии стройная соседка.

– Это такое выражение, Хейли, – ответила Эмма, пытаюсь не выдать своего веселья. – Профессор Тэмблин демон-

стрирует иронию, с помощью метафоры подчеркивая буквальность интерпретации.

– Туше, – без намека на сожаление улыбнулся Рори. – Голубой занавес – отсылка к такому социальному явлению, которое в ваших кругах называется мемом, если не ошибаюсь.

– Как делишки, детишки? – произнесла вполголоса Оливия, вызвав несколько смешков.

На лице Рори на секунду промелькнуло смущение, прежде чем он снова улыбнулся.

– Что ж, позвольте мне загладить вину за вторжение в ваше обсуждение и отпустить вас с занятия на несколько минут пораньше.

Студенты посмотрели на Эмму. Некоторые уже тянулись за рюкзаками.

– Ладно, бегите. Продолжим с того же места в следующий раз. И не забывайте, тема вашего первого сочинения уже выложена. Задавайте вопросы заранее и почаще.

Все бесцеремонно побросали книги в рюкзаки и поспешили прочь из класса к следующей главе своего образовательного процесса.

– Мне жаль, что я прервал урок, – извинился Рори, приближаясь.

– Сомневаюсь, – парировала Эмма с теплом в голосе. – Тебе нравится устраивать сцены.

– Пожалуй.

Рори источал проказливость, отчего выглядел совсем

мальчишкой, несмотря на свою текущую должность руководителя подразделения. Он был почти на десять лет старше тридцатитрехлетней Эммы, но тщательно подобранный наряд скрывал любые намеки на возраст.

– Может, тебе следовало предпочесть театральную сцену, а не унылую академическую карьеру? – поддразнила Эмма.

– Я до сих пор надеюсь, что мое творчество принесет мне славу и богатство. Желательно еще при жизни, чтобы успеть насладиться плодами успеха. И без потери уха. Кроме того, ты же и сама актриса.

– Одна роль в школьной постановке «Сна в летнюю ночь» не делает меня актрисой.

– Твои ежедневные выступления затмевают самых величайших див. Большинство окружающих просто этого не замечают.

– Но я не играю на публику, – нахмурилась Эмма. – Всего лишь... – Она покачала головой, не зная, как объяснить причины, по которым прятала свою истинную натуру.

– Прости, – сокрушенно извинился Рори. – Я подразумевал это как комплимент.

– Все в порядке. И я тоже. – Эмма сделала глубокий вдох и натянула на лицо улыбку, спросив со всей доступной вежливостью: – Тебе что-то от меня нужно?

– Всегда. Но сейчас я просто хотел узнать, свободна ли ты сегодня на обеде. Чувствую себя брошенным. – Рори улыбнулся так таинственно, что посрамил бы картину да Винчи.

– Прости, сегодня я не могу из-за... – Эмма осеклась, заметив краем глаза движение в дальней части класса. – Да, Итан?

Парень стоял в дверном проеме, наблюдая за диалогом. За спиной студента, находясь за пределами освещенной зоны, тенью толпились его друзья.

– Извините, что прервал, – с широкой усмешкой произнес он, затем вскинул голову и с вопросительной интонацией уточнил: – Кажется, вы обронили вот это? – Затем приблизился и протянул Эмме сложенный листок бумаги.

Рори выступил вперед, взял его и после короткого взгляда прокомментировал:

– Это не мое. – После чего швырнул на стол.

Взглядом выразив неодобрение, Эмма аккуратно взяла листок. Светлая бумага оказалась на ощупь неожиданно плотной. На одной стороне шла простая надпись, сделанная витиеватым почерком: «Приглашение». Эмма развернула его.

Свет и тьма Братства прерафаэлитов, эксклюзивная выставка: в пятницу 17 августа, 18:00.

– Думаю, это и не мое, Итан. – Хотя на ее столе в здании факультета лежало в точности такое же приглашение. Она вспомнила, в какой спешке покидала свой кабинет, сметая в рюкзак книги и бумаги. – А может, и мое. Спасибо, что вернул.

– Без проблем. Я слышал, тусовка будет зачетной.

– Да? – сухо осведомился Рори, в его голосе отчетливо слышался вызов.

– Ага, – парировал студент, вскидывая подбородок. – Мне так моя девушка говорила. Она тащится по всему связанному с искусством.

– Не сомневаюсь в ее компетентности в вопросах реформаторских движений Викторианской эпохи, – парировал Рори.

– Как бы там ни было, – вмешалась Эмма, – прерафаэлиты часто черпали вдохновение в литературе того периода. Можно насладиться картинами с этой точки зрения, Итан. Братство сформировалось примерно в то же время, когда По начал публиковать свои первые произведения. Тебе бы тоже не помешало посетить выставку, Блейк, – добавила она, надеясь, что правильно помнит имя, обращаясь ко второму парню, который так и топтался в коридоре.

– Значит, – оценивающе поглядывая на профессора Райли, протянул Итан, – если я схожу туда и, например, напишу об этом эссе, то получу баллы за дополнительное задание?

– Лучше сосредоточься на основном, – мягко сказала Эмма. – Еще раз спасибо за возвращение приглашения. – Она взмахнула листком, жестом отпуская собеседника.

Тот пожал плечами и зашагал прочь, кивком призывая Блейка следовать за ним.

– Значит, ты планируешь пойти на выставку? – поинтересовался Рори, когда они с Эммой остались вдвоем. – У меня

пока нет пары на мероприятие. – И он чуть застенчиво развел руками.

Она состроила растерянную гримасу.

– Честно говоря, я рассчитывала на спокойный вечер дома.

– Снова разыгрываешь Эмили Дикинсон?⁵ Я тоже ею восхищаюсь, но агорафобия – не та черта, которую следовало бы перенимать, – поддразнил Рори, но в его голосе слышался намек на тревогу. – Тебе не нужно прятаться.

– Я не прячусь. Просто не люблю скопления народа.

– Да ладно тебе, – продолжал убеждать Рори. – Всего-то скромное мероприятие. Даже самому нелюдимому мизантропу нужно иногда появляться на публике. Не заставляй меня идти в одиночку.

– Вряд ли я получу удовольствие от посещения.

– Разве такое возможно? Шампанское, музыка, произведения искусства, красивые посетители в красивых нарядах...

– Я целыми днями окружена людьми. – Эмма рассеянно потерла себя за ухом. – Они меня утомляют.

– Можно для разнообразия один вечер провести не за чтением книг до ночи, а в компании Братства прерафаэлитов. Посмотреть на оригинал черновика Россетти для его «Мари-

⁵ Эмили Дикинсон – американская поэтесса XIX века, одна из ключевых фигур мировой поэзии, известная своим новаторским стилем и уединенным образом жизни.

аны»⁶. «Мариана», Эм! Мертвые художники черпают вдохновение у мертвых писателей – все как ты любишь.

– Я подумаю.

– Правда? – Рори неуверенно улыбнулся, одновременно и умиротворяюще, и умоляюще.

Эмма ответила с тихим вздохом:

– Правда, подумаю.

– Это все, о чем я прошу. – Собеседник слегка сжал ее руку. – Мне не требуется наблюдать представление, знаешь ли. Закулисная Эмма тоже потрясающая. – Он неловко кашлянул и отвел глаза. – А сейчас мне нужно бежать на очередную невероятно скучную встречу – идеальный повод вовремя ускользнуть от моей собственной слащавой сентиментальности.

Эмма рассмеялась, позволяя тревожному чувству рассеяться.

– Похоже, ты наслаждаешься своей ролью декана.

– Временно исполняющего обязанности декана. Меня заставили против воли.

– Я сообщу в комиссию по правам человека.

Улыбка на ее лице увяла, когда Рори поспешил прочь. Несмотря на его частые приглашения, Эмма редко посещала крупные вечеринки, предпочитая рассматривать музей-

⁶ Речь идет о черновике картины «Мариана», написанной Данте Габриэлем Россетти – британским поэтом и художником XIX века, одним из основателей Братства префаэлитов. Одноименной героине произведений Альфреда Теннисона.

ные коллекции в относительном спокойствии будних дней. По правде говоря, она с детства ненавидела любые мероприятия и людные места, от которых хотела забиться в дальний угол – в идеале с книжкой. Литература стала отдушиной по мере взросления, затем – специализацией в университете, а после превратилась в карьерный путь.

Однако, увидев себя через призму восприятия Рори, Эмма осознала, насколько сузился ее мир. Она переехала сюда всего год назад, только окончив университет. Преподавание в колледже Карлайл стало ее первой работой на полную ставку, позволило получить стаж и обрести свое место здесь. Хотя образовательное заведение было бюджетным, а не частным, удаленность от города придавала ему в буклетах вид обособленного. Из-за ограниченности в средствах первокурсников обучали помощники профессоров и временно замещающие. Но сотрудники в штате выкладывались по полной на своих занятиях. Студенты Эммы часто приходили на ее лекции из семестра в семестр, и ей нравилось наблюдать за повышением уровня знаний и самостоятельности мышления подопечных с каждым новым произведением, выбранным на обсуждение. Она чувствовала себя здесь на своем месте, оцененной по достоинству, но – как и заметил Рори – предпочитала не уходить далеко за пределы территории колледжа. Даже ее дом располагался всего в квартале отсюда, а продуктовые и книжные магазины – по пути.

Карлайл не был в действительности изолированным от

мира уголком, однако в основном держался обособленно от окружающего его города Колчестера, который за последние несколько десятилетий постепенно приходил в упадок, утратив прежнюю роль в лесной промышленности. Куда более многочисленное коренное население понемногу сменялось людьми, так или иначе связанными с колледжем, по мере вытеснения им исторического сельскохозяйственного наследия городка, слишком маленького, чтобы считаться полноценным за пределами деревенской местности. Жители укромной долины, окруженной лесами, в основном существовали на деньги, потраченные студентами. Колледж превратился в тему для споров среди людей, обитавших тут поколениями, поскольку его процветание приносило как новые возможности для экономики, так и перспективы увеличения населения.

Эмма хмурилась, пока покидала класс и запирала за собой двери. Несмотря на предпочтение держаться обособленно, она все же никогда не считала себя одиночкой. Рори же явно воспринимал ее именно так, чем вызывал чувство дискомфорта. Они познакомились вскоре после того, как новый профессор Райли переехала в Колчестер, и в первый год даже встречались, но все завершилось не страстным романом, а скорее теплой дружбой. Рори был одним из немногих, на кого Эмма могла полагаться. Помимо него она завела всего парочку приятельниц среди коллег. Хотя могла похвастаться близкими отношениями с семьей, пусть родные и жили

на востоке страны. Плюс студенты... Пожалуй, слова Рори имели смысл.

Эмма трусцой спустилась на первый этаж и вырвалась на солнечный свет быстро уходящего лета. Пока она пересекала площадь, шагая в сторону своего кабинета, территорию колледжа наполняли привычные звуки голосов и смеха. Студенты лежали на еще зеленом газоне поодиночке и группами, напоминая разбросанный бурей мусор. Они занимали каждую доступную поверхность. Те, кто торопился на уроки, вихревыми потоками огибали тех, кто наслаждался теплом последних летних дней. Утренние облака рассеялись, и с неба лился яркий свет, образуя на земле затейливый узор теней, проникая сквозь пока не опавшую листву. Шла третья неделя семестра, и студенты понимали: хорошая погода может продлиться недолго. Разразившаяся накануне ночью гроза уже принесла с собой отчетливый запах осени. Некоторые из учащихся смеялись, другие сосредоточенно хмурились, но всех переполняли жизнь и потенциал. Эмма внезапно ощутила тоску по этому чувству, по теплым денькам, когда везде царила уверенность в безграничных возможностях мира. Захотелось вновь очутиться на развилке, готовясь сделать первый шаг по одной из бесчисленных дорог впереди.

Мелодичный звон колокола на башне с часами побудил окружающих к действию. Эмма со вздохом покинула солнечный свет ради прохладных глубин своего кабинета.

Глава 3

Иэн составлял перечень вещественных улик, отмечая описания и детали, которые лягут в основу расследования. Они с Майком оба урвали ночью всего по несколько часов сна, так как задержались в амбаре до самой темноты, которая разогнала их по домам, а приехали в участок рано утром. Негласное ощущение срочности выдернуло напарников из постелей. Гибель девушки сильно отличалась от их обычных дел, связанных с домашним насилием. Иэн испытывал вину из-за легкого предвкушения. Когда кто-то спрашивал, он отвечал, что стал полицейским, так как верил: все заслуживают правосудия. Что вступил в органы из желания быть голосом тех, кто больше не мог говорить сам. Но втайне признавался себе, что это добродетельное стремление увяло и обтрепалось в монотонной рутине неважных, бестолковых преступлений и потоке неважных, бестолковых людей. Одно лишь правосудие не могло мотивировать в достаточной степени, что бы ни показывали в кино. Некоторые полицейские тянули ляжку работы ради власти, некоторые – ради пенсии, а некоторые – из-за отсутствия других возможностей. Иэн же остался, потому что хотел побеждать. Он любил одерживать верх над противником, будь то преступник, свидетель, адвокат защиты или другой коп. И являлся в участок и смотрел каждый день на мрак, грязь и банальную человеческую же-

стокость из-за момента, когда соперники осознали, что потерпели поражение. Но вчерашнее дело отличалось от привычных. В этот раз убийца играл в игру, раскладывая детали головоломки и бросая вызов. Одного этого хватило бы, чтобы Иэн не мог уснуть.

А еще была девушка.

При ней не обнаружили документов, отпечатков в системе тоже не оказалось. Так что оставалось полагаться на удачу – и способности детектива – для разгадки головоломки. Возможно, отыщется свидетель или кто-то подаст заявление о пропаже, поскольку, вероятнее всего, погибшая была студенткой. Иэн надеялся, что это произойдет в ближайшее время, пока горюющие родственники еще в состоянии опознать слишком спокойное лицо девушки. В противном случае придется полагаться на стоматологические карты – суровая, но очень возможная ситуация для тела, пока отмеченного маленькой белой биркой с именем «Джейн Доу»⁷.

Иэн поднял глаза от списка, над которым трудился, когда Майк побарабанил карандашом, привлекая внимание напарника. Второй этаж отдела полиции, где они находились, строили ради функциональности, а не для эстетического наслаждения. Пространство заполняли надежные столы и разномастные стулья. Здесь царила непривычная тишина. Сидевшие лицом друг к другу детективы изучали документы

⁷ *Джон Доу и Джейн Доу* – условные имена, которые в англоязычных странах используют для обозначения неопознанных или анонимных мужчин и женщин.

с аккуратно подписанными названиями. Слегка устаревшие мониторы компьютеров создавали барьер. Майк с удовольствием бы положился на цифровые файлы, но Иэн любил собственноручно сортировать и упорядочивать физические копии материалов дел. Он находил удовлетворение, наблюдая за медленно растущей стопкой.

– Получен предварительный отчет по токсикологии, – сказал Майк. – Нужно дождаться полного обследования, но пока все выглядит так, что наша Джейн Доу из амбара проиграла, решив не выбирать между красной и синей таблеткой, а приняв сразу обе. Ничего незаконного – если у нее имелось назначение врача.

– Как быстро пришел отчет, – прокомментировал Иэн, бросив на напарника неодобрительный взгляд, поскольку осуждал, когда тот нарушал правила и переходил границы.

– Я умею убеждать, – пожал плечами Майк.

– Что именно обнаружили? – покачав головой, спросил Иэн.

– Ничего особенного. Болеутоляющее и успокоительное – достаточная доза, чтобы надолго вырубить девушку. Количество говорит о том, что таблетки оказались в организме за несколько дней до смерти.

– Можно отследить место покупки?

Майк отрицательно покачал головой.

– Все препараты легко достать. У меня в аптечке лежат такие же с тех пор, как дети убедили Брайана показать, как

кататься на сноуборде, и он повредил колено.

– Нужно включить тебя в список подозреваемых, – сухо заявил Иэн.

– Меня и каждого второго мужчину среднего возраста. – Майк поднял глаза. – Так, приготовься.

Напарник обернулся. Айви Уоллард целенаправленно шла в их сторону быстрым шагом.

– Умеешь убеждать, говоришь?

Майк улыбнулся без тени смущения.

Миниатюрный судмедэксперт остановилась перед его столом и швырнула папку.

– Отчет о вскрытии. Протокол осмотра места происшествия. И прекратите угрожать моим сотрудникам. – Айви резко развернулась и зашагала прочь.

– Можете кратко изложить суть? – бросил Майк вдогонку ленивым тоном, призванным еще сильнее разозлить собеседницу. – Мы, копы, не слишком разбираемся в вашей... науке.

Айви глубоко вдохнула и выдохнула, прежде чем вернуться. Она несколько мгновений буравила Келлога враждебным взглядом, после чего демонстративно заговорила с Иэном, вызвав у его напарника ухмылку.

– Подъязычная кость покойной сломана, что указывает на удушение. Странгуляционная борозда ⁸ позволяет опре-

⁸ Странгуляционная борозда – это след в виде борозды или полосы на шее, возникающий при сдавлении (обычно при удушении петлей или руками).

делить, что предмет убийства был тонким – синтетическая упаковочная веревка, судя по найденным в ране волокнам. Возможно, подобранная на месте преступления.

– Значит, удушение, а не повешение? – уточнил Майк.

Айви напряглась.

– Задушена... вручную.

– Следы сопротивления есть? – спросил Иэн.

– Нет. Скорее всего, жертва находилась без сознания под действием медицинских препаратов во время смерти.

– Могло это оказаться ненамеренной передозировкой? – предположил Иэн.

– Могло, но вероятность крайне низкая. – Айви помедлила, но добавила: – Вещества не являются наркотическими.

– Ага! – усмехнулся Майк. – Я говорил то же самое.

– Даже сломанные часы дважды в день показывают правильное время, – парировала судмедэксперт.

– Что сумели найти криминалисты? – чересчур небрежно поинтересовался Майк.

– Все написано в протоколе. – Айви презрительно глянула на него и снова повернулась к Иэну. – Но кое-что следует отметить отдельно: девушку одурманили, но с ней хорошо обращались до момента убийства: нет признаков применения физического насилия или сексуального контакта. Ее кормили и поили в течение последнего дня. Какова бы ни была причина удерживать бедняжку в плену все это время, пытки можно исключить. И надругательство тоже.

– Да наш преступник практически святой, – вполголоса произнес Майк.

– Если у вас остались вопросы, пишите по электронной почте, – проигнорировав его ремарку, заявила Айви.

– Спасибо, – поблагодарил Иэн, стараясь всем видом извиниться за напарника.

Она кивнула в ответ, развернулась и с гордой осанкой вышла из помещения.

– Всегда приятно с ней пообщаться, – ухмыльнулся Майк.

– Ты в курсе, что мешаешь вести расследование другим детективам, когда позволяешь себе подобные выходки?

– А ты в курсе, что лейтенанту уже дважды звонил мэр, спрашивая о подвижках в деле? Симпатичную блондиночку убивают и раскладывают в позе куклы Барби – такие новости завтра попадут на первые полосы газет, и нам грозит стать героями телетрансляций, пока мы не раскроем преступление. Не говоря уж о чертовых соцсетях. Психи повьлазят из всех щелей.

– Думаешь, это обеспечивает нам привилегированное положение? – Иэн понимал, что обвинял напарника несправедливо, но не мог не озвучить свое мнение.

Однако Майк не заглотив наживку и лишь отмахнулся:

– Я пошлю другим детективам открытки с самыми искренними извинениями. Да ладно тебе, Бойскаут. Давай лучше посмотрим, что там принесла крошка-милашка. – Он открыл отчет криминалистов. – Судя по следам, жертву убили

в амбаре. Там было слишком грязно, чтобы найти что-то полезное. Цветы на шее обычные. Такие можно купить в любом магазине. Никаких бирок на платье. – Майк поднял голову. – Попрошу Джонса заглянуть в местные точки по продаже костюмов, общественные театры и прочие заведения, но могу поспорить, что убийца заказал наряд по интернету.

– Это сложно будет проверить без подозреваемого.

– А то я не понимаю.

– Есть информация о подростках, которые нашли тело?

– Малолетние бестолочи. Очевидно, в амбар они заявили впервые, потому что какой-то парень сказал им, будто там будет вечеринка.

– Что за парень? Они его знают?

– Нет. Утверждают, что не раз видели его в городе, но имени назвать не смогли.

– Описание? – уточнил Иэн.

– Средний рост, среднее телосложение, каштановые или светлые волосы, белый.

– Значит, каждый третий в округе подходит. Как считаешь, их специально заманили? Чтобы тело побыстрее обнаружили?

– Видимо, да. Преступник вряд ли хотел затягивать. Подготовленная сцена не продержалась бы долго.

– Сомневаюсь, что от такого описания есть польза, но давай отправим художника. Пусть ребята помогут нарисовать портрет, разошлем ориентировку. – Иэн задумчиво побара-

банил ручкой. – А что-нибудь известно про бумагу из-под языка?

– Размер и тип соответствуют книге с места происшествия, но страница сильно пострадала после сворачивания и пребывания во рту. Если на ней что-то и было напечатано, то пока не удалось установить, что именно.

– Но хотя бы название книги определили?

– Тоже нет. Кровь настолько пропитала содержимое, что оно стало нечитаемым. Спецы могли бы попробовать отсканировать страницы и разглядеть буквы.

– Предложи это Айви. Уверен, она оценит совет.

Майк бросил насмешливый взгляд на напарника и вернулся к чтению отчета.

– Кровь принадлежит животному, а не человеку. Вероятнее всего, свинья.

– Отпечатки? – подсказал Иэн.

– Два частичных на краю желоба. Прогнали их по базе данных. Ничего.

– Я и не ждал, что окажется так просто.

– Да, не повезло. Но нашлось совпадение с отпечатками по делу о нападении в... – Майк сверился с записями, – Норт-порте. В июне.

– Попробую позвонить в тамошнее отделение и выяснить, нет ли у них чего полезного. Вдруг преступник начал оттуда, прежде чем переместиться к нам, – предположил Иэн.

– Сомневаюсь, что это его первое убийство. Слишком все

красиво.

Он поднял голову, чтобы убедиться, не шутит ли Майк, но тот продолжал читать документы, сохраняя нейтральное выражение лица, после чего добавил, по-прежнему глядя в бумаги:

– Кстати, о красоте: тебе не пора собираться на бал, Золушка?

– Черт! – выругался Иэн, посмотрев на часы и мысленно подсчитав время, которое потребуется, чтобы съездить домой, переодеться, побриться и успеть в музей.

Он точно опоздает. Нужно торопиться.

– Уверен, что обойдешься без меня? – спросил Иэн, сдерживая со спинки стула пиджак и поспешно натягивая его.

– Сегодня ты уже ничем не сможешь. Наслаждайся своим шампанским, Бойскаут.

Глава 4

Низко склоняя голову под струями дождя, Эмма взбежала по каменным ступеням ко входу в музей. Она придерживала полы платья одной рукой, шлепая по лужам в уже промокших шелковых туфельках. Разразившаяся над Карлайлом гроза изгнала последние остатки летнего тепла. Капли, отлетавшие от разноцветных плащей подготовившихся к ненастью посетителей, которые загораживали вход, окатили Эмму. Она прошла через широкие стеклянные двери в хорошо освещенное помещение, сразу почувствовав покалывание на коже от кондиционированной прохлады галереи, и постаралась как следует стряхнуть воду со своего зонтика с ручкой в виде утки, после чего сунула в пластиковый пакет, предоставленный явно скучавшей гардеробщицей, и передала через стойку вместе с курткой.

– Сумку, – сказала работница музея, протягивая руку.

– Нет, спасибо, я возьму с собой.

Женщина пожала плечами, и Эмма перехватила поудобнее свой клатч, мысленно сетуя на платье без карманов и на общую непрактичность женских вечерних нарядов. Она постаралась не теребить нервно узкую лямку и напредила себе: «Тебе понравится. Повеселись».

Затем направилась вместе с толпой гостей к началу выставки, где невольно помедлила, чтобы оглядеться и успоко-

иться, прогнать тревожное чувство, вызванное скоплением людей. Подчеркнутые детали ярких картин выделялись на фоне матовых белых стен. В зале играла приятная ненавязчивая музыка, пока роскошно наряженные посетители переходили от одного экспоната к другому, приглушенно беседуя. В воздухе витали едва ощутимые ароматы дорогого парфюма и запахи влажной одежды. Каждая поверхность была задекорирована эстетично и в то же время практично.

Эмма решительно двинулась дальше, стараясь держаться с краю от скопления людей и пытаясь отыскать свободное пространство. Она взяла со вкусом оформленную программку с объявлением «Свет и тьма: художники-прерафаэлиты викторианской Англии» и пролистала ее, загнув уголки страниц с особенно интересными картинами. Затем приняла фужер с шампанским, предложенный официантом в черном жилете. Парнишка выглядел не старше двадцати. Эмма мысленно перебрала своих студентов, не сумела вспомнить никого похожего, но все равно вежливо улыбнулась на всякий случай. К сожалению, она быстро забывала лица, в отличие от текстов, которые легко могла заучивать целыми страницами, без труда воспроизводя потом в мельчайших деталях.

Людской поток увлек за собой дальше – к картине прекрасной молодой женщины со скромно опущенными глазами и золотистыми волосами, которые струились по плечам и ниспадали на платье в стиле Ренессанса. Эмма наклонилась ближе, чтобы внимательнее изучить замечательно изоб-

раженное жемчужное ожерелье в руке красавицы, но краем глаза заметила музейного работника, который направился в ее сторону с озабоченным видом, и обхватила фужер обеими ладонями, желая показать, что не прольет шампанское на произведение искусства. Затем почувствовала, как кто-то крепко взял ее за запястье, и постаралась придать лицу благодушное и вежливое выражение в ожидании неизбежного взаимодействия со знакомым по колледжу, стремившимся обменяться приветствиями. Однако увидела перед собой улыбающегося Рори и расслабилась, ощутив прилив благодарности за возможность хотя бы на несколько минут отложить ритуал бессмысленной беседы с посторонним человеком.

– Ты пришла, – с восторгом сказал спутник чуть громче, чем требовалось.

– Пришла. – Эмма посмотрела на него, надеясь, что сумела убедительно изобразить энтузиазм. – Просто... решила, что ты прав. Выбраться на мероприятие не помешает.

Рори схватил фужер с шампанским с подноса проходящего мимо официанта – уже не первый за вечер, как предположила Эмма, – и положил ей на талию руку, но тут же убрал, заметив, как напряглась собеседница. Она ощутила его мускусный запах пота, алкоголя и тяжелую пряность одеколона.

– Я рад, что ты пришла, – заявил Рори, затем внимательно взгляделся в лицо Эммы и отступил на шаг. – Что уже успела посмотреть?

– Немного. Я тут совсем недавно.

– Ну, музей не сравнится с галереей Тейт ⁹, но я доволен тем, что нам удалось собрать. Все большие картины принадлежат малоизвестным художникам, пишущим в том же стиле. Зато мы получили набросок Бёрн-Джонса, а также позаимствовали Ханта у частного коллекционера. Да и фотовыставка выглядит вполне достойно – особенно работы Кэмерона ¹⁰.

– Все замечательно. Правда. Вам с остальными организаторами есть чем гордиться.

Рори улыбнулся, услышав похвалу, но явно отвлекся на происходящее в другой части помещения, прежде чем ответить:

– Проклятье! Я надеялся показать тебе тут все, но должен выполнять свои официальные обязанности. Похоже, моим подопечным требуется помощь.

Эмма обернулась и увидела нескольких студентов, которые уже успели слишком много выпить.

– Иди. Я и сама справлюсь.

– Только не забредай в сад скульптур, мы не можем себе позволить потерять тебя в темноте.

– Не волнуйся. Я заготовила достаточно тем для разгово-

⁹ *Галерея Тейт* – крупнейший музей современного и классического искусства в Лондоне, объединяющий четыре выставочных пространства.

¹⁰ *Эдвард Бёрн-Джонс, Уильям Холман Хант, Джулия Маргарет Кэмерон* – британские художники XIX века, представители прерафаэлитского движения.

ра, чтобы пережить сегодняшний вечер. Поужинаем на следующей неделе?

– Нужно будет вычеркнуть из календаря Каро. – Рори легонько поцеловал Эмму в щеку и повернулся уходить, заметив напоследок: – Рекомендую уделить внимание третьей картине – думаю, она тебя привлечет больше всего.

Она воспользовалась советом и пробралась мимо групп посетителей, стоявших возле первых двух полотен – довольно сдержанного портрета девушки в белом и натюрморта эфесов мечей, – бросив лишь быстрый взгляд в их сторону. А когда оказалась перед третьим, то ощутила тепло в груди. На картине была изображена красавица с медового оттенка волосами, в золотистом платье. Она вставала со своего места за ткацким станком. С пальцев соскальзывали цветные нити, обвиваясь вокруг запястий и падая на складки подола. Рядом с ней виднелся незавершенный гобелен с видом средневековой деревушки. Девушка стояла боком, тоскливо глядя в окно. Она слегка наклонялась вперед, чуть приподняв одну руку, словно тянулась в сторону внешнего мира, хотя в другом окне сразу за плечом покачивалась ожидавшая лодка, привязанная на причале. Потемневшее зеркало с трещиной показывало изломанное отражение так привлекавшего красавицу зрелища: едва различимый образ облаченного в доспехи рыцаря на боевом коне. Эмма внезапно почувствовала себя подглядывающей за глубоко личной сценой, изучая картину.

– Ощущение, что я наблюдаю за чем-то не предназначен-

ным для моих глаз, – слышался тихий голос, будто озвучивая мысли Эммы.

Она словно очнулась ото сна, слишком потрясенная, чтобы следить за выражением своего лица. Рядом стоял высокий худощавый мужчина, внимательно разглядывая полотно. Хотя его внимание, судя по всему, привлекла лодка, а не рыцарь.

– «Леди из Шалот», – прокомментировала Эмма. Затем, посмотрев на компаньона, добавила: – Вам известна эта история?

Он взглянул на нее в упор, заставив невольно вздрогнуть. Его бледно-голубые, почти цвета льда, глаза, пронизывающие и немигающие, производили тревожное впечатление, что собеседник слеп.

– Теннисон, верно? – уточнил он. – Она была проклята жить в башне замка и ткать образы окружающего мира, который могла видеть лишь через зеркало. Однако в какой-то момент решила покинуть свою обитель, чем активировала злые чары. Стекло треснуло, и леди умерла. – Мужчина вновь сосредоточил свое внимание на картине.

– «Беда! Проклятье ждет меня!»¹¹ – процитировала Эмма, хмурясь. – Она увидела сэра Ланселота и поддалась любви. Всепоглощающей, разбивающей мир вдребезги. И все же дело не только в рыцаре, но и в том, что он олицетворяет:

¹¹ Цитата из стихотворения «Волшебница Шалот» Альфреда Теннисона в переводе Константина Бальмонта.

свободу, радость, надежду – жизнь. Леди не может вынести мысли, что придется продолжать влечить существование в заточении, проведая о реальности за пределами башни. И выбирает вместо безопасности знание. Остается лишь положиться на судьбу: написать свое имя на лодке и, пока ее несет в сторону Камелота, надеяться, что кто-нибудь поймет послание. – Эмма тоже повернулась к картине.

– Совсем как история Евы и запретного плода.

– Что?

– Вы сказали, что она выбрала знание вместо безопасности. Как Ева.

– Да, очень похоже. – Эмма смерила собеседника оценивающим взглядом и, заметив промелькнувшие в глубинах льдисто-голубых глаз тени, ощутила прилив беспокойства. – Прерафаэлитов завораживали трагические истории любви вроде произведений Теннисона, Шекспира и... – Она не сумела придумать еще пример и посмотрела на мужчину.

Тот снова задумчиво наблюдал за ней. Из-за очень светлой кожи на изящной, но решительной линии челюсти выделялась едва различимая щетина. Сердце невольно забилось чаще – послужили тому причиной тревога либо же влечение к незнакомцу, Эмма и сама не знала. Она сильнее сжала ремешок сумочки, нечаянно сдернув ее с плеча и уронив.

– И? – Губы собеседника чуть изогнулись.

Неловко подаваясь вперед, чтобы поймать ее, Эмма залилась румянцем.

– Веками множество историй твердили, что любовь лишь приводит к разбитому сердцу. Но мы продолжали стараться пережить судьбу. Может, леди из Шалот тоже думала, что ее попытка увенчается успехом. – Она вновь взглянула на обреченную девушку с картины.

– Может, так и случилось. – Голос незнакомца звучал тихо и чуть печально, пока он изучал текстуру и цвет краски, пойманный в паутину, сплетенную талантом художника.

Эмма посмотрела на собеседника и тут же отвела взгляд, закусив нижнюю губу. Затем торопливо направилась к следующему полотну, пытаясь избежать ощущения бессилия, которое разлилось внутри. Мужчина двинулся следом и встал рядом, позволяя толпе обтекать их. Вдвоем они принялись рассматривать изображение шекспировской Офелии. Большинство художников рисовали ее тонущей в мутных водах, погруженной в пучины горя. Эта же версия безумной стояла на берегу ручья с запутавшимися в юбках цветами и смотрела прямо на зрителей. Ее распущенные волосы неудержимо рассыпались по плечам, а босые ноги утопали в земле, однако нечто в позе говорило, что Офелия еще не утратила себя. Казалось, ее глаза умоляли – о чем? О помощи? Или о прощении?

Эмма наклонилась вперед, чтобы получше изучить выражение лица обреченной женщины. Спутник придвинулся ближе, а затем снова отступил, огибая толпу. От него исходил легкий аромат средства для стирки, смешанный с более

насыщенными запахами теплой кожи и специй. Пока незнакомец молча рассматривал картину, в его глазах промелькнуло прежнее лукавство. Наконец он спросил:

– Она тоже умерла из-за любви?

– В каком-то роде, – тихо ответила Эмма. – Офелия отдала сердце Гамлету, но он отверг ее чувства, когда избрал возмездие. Хотя некоторые утверждают, что он оттолкнул ее, желая защитить.

– Спорное заявление.

– Согласна. К тому же потом Гамлет убил ее отца, так что точно потерял баллы за галантность.

– Рождественский ужин в кругу семьи у них точно вышел бы неловким.

Эмма улыбнулась, удивляясь тому удовольствию, какое получала от обмена репликами с собеседником.

– Ну, случившееся было ненамеренным. Но Офелия об этом не знала. – Она протянула руку к картине, едва не касаясь кончиками пальцев запястья умирающей.

– Образ вышел... убедительным, – произнес напряженным тоном мужчина. – Что с ней стряслось?

– Горе сломило ее. Аудитории Шекспира – да и всем людям Викторианской эпохи – полную историю могли поведать цветы. Лютик символизирует траур, крапива – боль, ирисы – невинность. Офелия держит в руках свою историю.

Есть ива над потоком,

Что склоняет седые листья к зеркалу волны;
Туда она пришла, сплетя в гирлянды
Крапиву, лютик, ирис, орхидеи, —
У вольных пастухов грубей их кличка,
Для скромных дев они – персты умерших:
Она старалась по ветвям развесить свои венки;

Коварный сук сломался,
И травы и она сама упали в рыдающий поток.
Ее одежды, раскинувшись, несли ее, как нимфу;
Она меж тем обрывки песен пела,
Как если бы не чуяла беды
Или была созданием, рожденным в стихии вод;
Так длиться не могло,
И одеянья, тяжело упившись,
Несчастную от звуков увлекли в трясину смерти ¹².

Тихо цитируя строчки из «Гамлета», Эмма забылась в волшебстве слов.

– Кажется, вы хорошо знаете пьесу, – прокомментировал собеседник.

– Прошу прощения, – покраснела она. – Я иногда так делаю. Дурная привычка.

– Я вовсе не жаловался.

Их окутала тишина. Эмма снова начала теревить сумочку, но спохватилась и резко опустила руку. Заметив жест, незна-

¹² Уильям Шекспир «Гамлет, принц датский» в переводе Михаила Лозинского.

комец улыбнулся и двинулся к следующей картине: довольно плоскому на вид портрету женщины в красно-оранжевых нарядах, которая сжимала небольшую шкатулку.

Последовав за спутником, Эмма высказала предположение:

– Это Пандора, выпустившая в мир несчастья.

– Еще одна из тех, кто выбрал знание вместо безопасности.

– Гесиод¹³ трактовал историю как предупреждение о злокозненности женщин.

Собеседник пожал плечами.

– Если постоянно приказывать кому-то не трогать что-то, то тем только подогреешь желание нарушить запрет.

Он говорил, не сводя глаз с картины, однако Эмма ощутила, как к щекам приливает жар. Помня о словах Рори, она приложила усилия, чтобы сегодня вечером выглядеть презентабельно: завила и собрала в прическу свои рыжие волосы, скрепив их украшенной камнями заколкой. А также надела темно-синее платье до пола с подвеской в тон, поблескивающей в подключичной ямке, чтобы они гармонично сочетались со свойственной англичанам светлой кожей. Ткань вечернего наряда внезапно показалась тяжелой, жесткой и неуместной, когда спутник повернулся к Эмме.

– Иэн Картер, – произнес он, наклоняясь ближе, чтобы

¹³ Гесиод – древнегреческий поэт VIII–VII веков до н. э., автор дидактических поэм «Труды и дни» и «Теогония».

голос не потерялся в окружающем шуме.

– Что? – пролепетала она ошеломленно, ощутив чужое дыхание на своей щеке.

Собеседник слегка отодвинулся и чуть громче повторил:

– Меня зовут Иэн Картер.

– Эмма. Эмма Райли.

– Вы преподаете? – В ответ на ее недоуменное выражение лица новый знакомый добавил: – У меня появилось впечатление, что вам известно все.

– Э-э, да. Я профессор литературы в колледже. – Он выжидательно смотрел на нее, но Эмма не могла придумать, что еще сказать, поэтому наконец выпалила: – А вы чем занимаетесь?

– Я детектив. – После секундного колебания Иэн добавил: – В отделе по расследованию убийств.

– О, – выдохнула Эмма и уставилась на собеседника, заново прокручивая в уме все их реплики за последние десять минут. – Мне жаль. – Заметив, как он дернулся, она поспешила заверить: – Нет, не вас. И не вообще. Мне жаль, что я болтала про... мертвых.

– Не переживайте. – Иэн чуть расслабился. – Мне было интересно послушать. Я узнал больше информации, чем почерпнул бы, читая таблички.

– Прошлым летом я вела совместный курс, который включал поездку в Лондон. Мой коллега, профессор изобразительных искусств, освещал художественные аспекты, а я –

литературные. На самом деле получился довольно увлекательный междисциплинарный подход... – Поток слов Эммы прервался, когда она заметила, что внимание собеседника переключилось на что-то другое.

– Уверен... – Он перевел взгляд обратно на нее, но было очевидно: Иэн следит за чем-то или за кем-то в противоположном конце галереи. Эмма постаралась подавить неуместное разочарование. – Это покажется чрезвычайно грубым и... – Он снова посмотрел ей за спину с выражением лица, напоминавшим застывшую маску, и напрягся всем телом, словно готовясь к схватке. Затем дернул подбородком в сторону той части зала, за которой наблюдал. – Там что-то происходит, девушка... – Эмма повернулась туда, но так и не поняла, что именно привлекло внимание Иэна. Он снова поглядел в том направлении. – Я должен попытаться вмешаться... Вдруг получится помочь. И потом попробую найти вас снова.

– Хорошо, – слабым голосом отозвалась Эмма. – Увидимся позже... Наверное.

Иэн торопливо зашагал прочь безо всякого намека на нескладность, часто свойственную людям его роста.

Эмма осмотрелась по сторонам, но не заметила ничего особенного: просто обычная богатая публика в вечерних нарядах, которая держалась наособицу от менее изысканно одетых сотрудников колледжа, чьи пожертвования и страсть к искусству оказались достаточными, чтобы заслужить при-

глашение на мероприятие. Когда Иэн растворился в толпе, Эмма начала заново прокручивать в уме каталог неловких моментов в их общении: каждый постыдный промах, каждое чересчур подробное объяснение. Она тут же подавила внутренний голос, критикующий все поступки, но удовольствие от вечера уже померкло. Ей захотелось немедленно вернуться к картинам, заново переживая каждую историю, чтобы избавиться от тени сожалений, нависшей над головой.

Глава 5

Иэн пробирался по людскому лабиринту, где каждый гость создавал препятствие, которое нужно преодолеть: пышные шелковые платья, лакированные туфли, протянутые руки с бокалами, так и норовящие пролить шампанское. Он двигался с максимально возможной скоростью, ощущая знакомый зуд нетерпения, пока протискивался к месту, привлекающему внимание. Сцена заняла всего несколько мгновений: мимолетный испуг на лице молодой блондинки, выглядевшей не старше двадцати. Спутник на вид казался немного старше. Он резко схватил ее за руку. Жест со стороны мог бы произвести впечатление вполне безобидного, если бы не реакция девушки, отчетливо заметная даже с другого конца зала. Напряженные мускулы, смещение веса на носки, поджатые губы, вскинутые брови, скрещенные руки – образ жертвы при встрече с хищником. Иэн не видел лица парня, но язык его тела тоже говорил сам за себя: он выпрямил спину и расправил плечи, когда устремился к блондинке, явно привлеченный ее страхом.

Затем, спустя мгновение, их позы изменились. Она состроила надменную гримасу и вызывающе уставилась на обидчика, выдернув руку из его хватки. А он отступил так поспешно, что едва не упал. Иэн замедлил шаг, стараясь понять причины столь внезапного поворота событий, и вскоре

заметил приближавшуюся к блондинке группу. Три девушки и двое парней, все примерно одного возраста. Никто из них, кажется, не видел произошедшего или реакции подружки, но их присутствие возвело ощутимую стену поддержки, на которую та могла опереться. Один из юношей атлетического телосложения, вероятно спортсмен, выступил вперед и приобнял блондинку. На лице у нее появилось победное выражение. Качок наклонился и сказал ей что-то. Иэн не сумел различить слов со своего места из-за окружающего гула медленно прогуливавшихся мимо посетителей.

Девушка ответила, не сводя глаз с обидчика. Тот застыл перед группкой, растеряв всю смелость, и чуть ли не съежился под взглядами спортсмена. Компания разразилась смехом. Блондинка отпустила комментарий, вызвавший новую волну веселья. Иэн инстинктивно двинулся вперед, однако его толкнула локтем немолодая женщина с тростью и пробормотала что-то насчет невежливой молодежи, после чего гордо проплыла мимо. Девушка вернулась к безопасности группы друзей, и обидчик исчез в толпе. Иэн с тревогой понял, что не сумел рассмотреть его лица. Костюм, темный и немного мятый, выглядел совершенно обычным. Как и каштановые, чуть длинноватые волосы. Средний вес и средний рост – абсолютно ничего примечательного. Внезапно Иэн испытал сочувствие ко всем свидетелям, которые описывали нападавшего как «совершенно обычного человека».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.